

В. А. Шульгинов^a<https://orcid.org/0000-0003-2217-3677>✉ vshulginov@hse.ru**С. А. Кудряшов**^a<https://orcid.org/0000-0003-1899-4405>✉ sakudryashov@hse.ru^a *Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва)*

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ГРУППОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ИССЛЕДОВАНИЕ СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКИ В ВИРТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ

Аннотация. Субстандартная лексика традиционно выступает в качестве маркера территориально и социально специфической коммуникации. В статье это свойство рассматривается под новым углом; изучаются особенности функционирования субстандартной лексики в контексте конфликтной коммуникации в различных онлайн-сообществах. Цель исследования — выявление статистического распределения инвективной лексики по тематическим группам, а также описание механизмов, которые стоят за переходом стандартной лексики в субстандартную, с учетом специфики внутригрупповых ценностей и идеологий. Для этого был составлен датасет комментариев из онлайн-сообществ веганов/вегетарианцев и радикального феминизма, обработка которого заняла две итерации: на выборке из 10 548 комментариев авторы выявили лексические группы, после чего посмотрели их распределение и реальное функционирование на датасете из 958 591 комментариев. Анализ данных показал, что формирование активных кластеров субстандартной лексики в онлайн-сообществах детерминировано установками группы и может служить маркером ее ценностей как на микро-, так и на макроуровне. В сообществе веганов/вегетарианцев преобладает лексика, осуждающая употребление мясной пищи, а также апеллирующая к ментальным характеристикам оппонентов. В радфем-сообществе чаще используются гендерно-ориентированные инвективы и зоометафоры. Исследование также выявило различия в интенсивности и регулярности воспроизведения конфликтного дискурса, что может свидетельствовать о разной степени проницаемости границ сообществ. Полученные результаты позволяют лучше понять механизмы формирования субстандартной лексики в онлайн-пространстве и могут быть использованы для дальнейшего изучения динамики развития виртуальных сообществ.

Ключевые слова: субстандарт, речевая агрессия, социальные связи, онлайн-сообщество, инвектива, просторечие, стратегии коммуникации

Для цитирования: Шульгинов В. А., Кудряшов С. А. Речевая агрессия как отражение групповых ценностей: исследование субстандартной лексики в виртуальных сообществах // Шаги/Steps. Т. 11. № 1. 2025. С. 192–205.

Поступило 22 марта 2024 г.; принято 21 января 2025 г.

Shagi / Steps. Vol. 11. No. 1. 2025
Articles

V. A. Shulginov^a

<https://orcid.org/0000-0003-2217-3677>

✉ vshulginov@hse.ru

S. A. Kudrjashov^a

<https://orcid.org/0000-0003-1899-4405>

✉ sakudryashov@hse.ru

^a HSE University (Russia, Moscow)

VERBAL AGGRESSION AS REFLECTION OF GROUP VALUES: A STUDY OF SUBSTANDARD LEXIS IN VIRTUAL COMMUNITIES

Abstract. Substandard vocabulary traditionally serves as a marker of territorially and socially specific communication. We decided to examine this feature from a new angle and study the characteristics of substandard vocabulary functioning in the context of conflict communication in various online communities. The aim of our research is to identify the statistical distribution of invective vocabulary across thematic groups, as well as to describe the mechanisms behind the transition of standard vocabulary to substandard, taking into account the specifics of intragroup values and ideologies. For this purpose, we compiled a dataset of comments from online communities of vegans/vegetarians and radical feminism, the processing of which took two iterations: on a sample of 10,548 comments, we identified lexical groups, and then we examined their distribution and actual functioning on a dataset of 958,591 comments. Analysis of the data showed that the formation of active clusters of substandard vocabulary in online communities is determined by group attitudes and can serve as a marker of its values both at the micro and macro levels. In the vegan/vegetarian community, vocabulary condemning meat consumption predominates, as well as appealing to the mental characteristics of opponents. In the radical feminist community, gender-oriented invectives and zoometaphors are more commonly used. The study also revealed differences in the intensity and regularity of conflict discourse reproduction, which may indicate varying degrees of community boundary permeability. The results obtained allow for a better understanding of the mechanisms of

substandard vocabulary formation in the online space and can be used for further study of the dynamics of virtual community development.

Keywords: substandard, speech aggression, social links, online communities, invective, everyday speech, communication strategies

To cite this article: Shulginov, V. A., & Kudrjashov, S. A. (2025). Verbal aggression as reflection of group values: A study of substandard lexis in virtual communities. *Shagi / Steps*, 11(1), 192–205. (In Russian).

Received March 22, 2024; January 21, 2025

В конце XX в. визионер Говард Рейнгольд описывал виртуальные сообщества с помощью метафор, характеризующих их как пространство для неформальных контактов и свободного обмена информацией: «гигантский кофейный дом с тысячей комнат», «плавающий блошинный рынок», «неотредактированные письма в издательство» [Rheingold 1993: 20]. Однако реальное существование социальных сетей достаточно сильно отличается от этих прогнозов — виртуальные сообщества стремительно расширяются, образуя многомерные социальные структуры, которые не уместились бы даже в метафорический город, а кооперативное взаимодействие пользователей зачастую сменяется конфронтациями внутри и вне сообществ.

В качестве основных тенденций развития онлайн-сообществ современные исследователи называют фрагментацию на отдельные эхо-камеры, негативные настроения, которые вне зависимости от сферы коммуникации усиливаются по мере удлинения цепочки комментариев [Zollo et al. 2015], а также все большую поляризацию мнений в процессе общения. По наблюдениям Дж. Бадера и соавторов, такая поляризация является доминирующим трендом, который проявляется как в гетерогенных коммуникативных сетях («состязательных дебатах»), так и в гомогенных по составу и набору ценностей эхо-камерах [Buder et al. 2021]. Экспансия конфронтационного общения предполагает, что все больший набор лексических средств переходит в разряд субстандартной лексики, причем, по нашему предположению, набор этой лексики будет различаться от сообщества к сообществу.

Примечательно, что в одном из первых определений субстандарта, представленном в исследованиях Л. Блумфилда, указывается его свойство выступать в качестве маркера социально и территориально специфической коммуникации, обладающей при этом признаками общепринятости и экспрессивности. По мнению исследователя, он «употребляется в европейских странах “низшей прослойкой среднего сословия” <...> имеет территориальные различия, но без резких местных особенностей» [Блумфилд 1968: 65–67].

В современной интерпретации значение термина *субстандарт* сильно расширилось, и в настоящий момент он используется для обозначения широкого пласта лексики, находящегося на пересечении сленга, арго, жаргона, отчасти просторечия, сохранив при этом ключевые признаки

ненормативности и экспрессивности (например, лаконичное определение «экспрессивное просторечие» у В. А. Хомякова [1980: 27–28]). Однако следует подчеркнуть, что в дихотомии «стандарт/субстандарт» границы не всегда четко определены. Мы полагаем, что единицы, относящиеся к этим языковым пластам, взаимодействуют между собой и могут приобретать статус нормативности или ненормативности в зависимости от условий коммуникации, которые формируются под влиянием ценностей сообществ, где они используются. Этот аспект особенно ярко проявляется при описании конфликтных речевых практик: речевая агрессия, обнаруживаемая в конкретных языковых формах, строго не закреплена за ними. Исследователи конфликтов отмечают зависимость интерпретации статуса лексики от социокультурного контекста [Culpeper et al. 2003], эффекта, который оказывал речевой репертуар в исторической перспективе [Mills 2005], вклада участников конфликта в развитие коммуникативного взаимодействия [Watts 2005]. Таким образом, мы исходим из представления, что конфликты, разворачивающиеся в различных онлайн-сообществах, сопровождаются использованием различных наборов лексических средств, которые соотносятся с (анти)ценностями группы. Естественным следствием этой исследовательской позиции является предположение, что в интернет-общении отнесенность лексики к классу субстандарта зачастую контекстуально обусловлена и является следствием дискурсивных практик конкретного сообщества.

Отметим также функциональную неоднородность субстандарта, который может существовать как минимум в двух основных реализациях — эксплетивной и агрессивной, различающихся коммуникативной направленностью. В первом случае лексика служит для выражения эмоций говорящего по отношению к собственному действию или состоянию и носит в большей степени самоуничижительный характер; во втором она становится инструментом понижения социального статуса адресата и явным признаком речевой агрессии по отношению к нему [Дмитриенко 2007: 5]. В контексте данного исследования нас интересует агрессивная субстандартная лексика, распространенная в локальных онлайн-сообществах, которая, с одной стороны, становится средством негативной характеристики внешнего (или даже враждебного) по отношению к сообществу пользователя, с другой — отражает статус говорящего как носителя групповых ценностей.

Методика

Мы описываем конфликтный дискурс, характерный для онлайн-сообществ веганов/вегетарианцев (основные ценности включают в себя отказ от употребления продуктов животного происхождения или их минимизацию, этичное отношение к животным, сострадание к живым существам) и радикального феминизма¹ (основные ценности включают в себя уста-

¹ Далее в статье используется сокращенное наименование *радфем*.

новку на полное искоренение патриархата, борьбу с системным угнетением женщин, отказ от традиционных гендерных ролей). Выбор этих сообществ определяется тем, что они характеризуются высокой плотностью социальных связей, что приводит к столкновению с внешними пользователями. Это отличает описываемые группы от другого типа сообществ, внутри которых наблюдается большая разнородность участников и их установок, что приводит к регулярному возникновению внутригрупповых конфликтов (например, сообщество спортивных болельщиков, подробнее см.: [Шульгинов, Алянский 2023]). Так как более подробная характеристика сообществ (например, указание названия, количества участников, описание интерфейса и пр.) не привносит в исследование дополнительной ценности, мы решили отказаться от этой характеристики в целях дополнительной анонимизации данных.

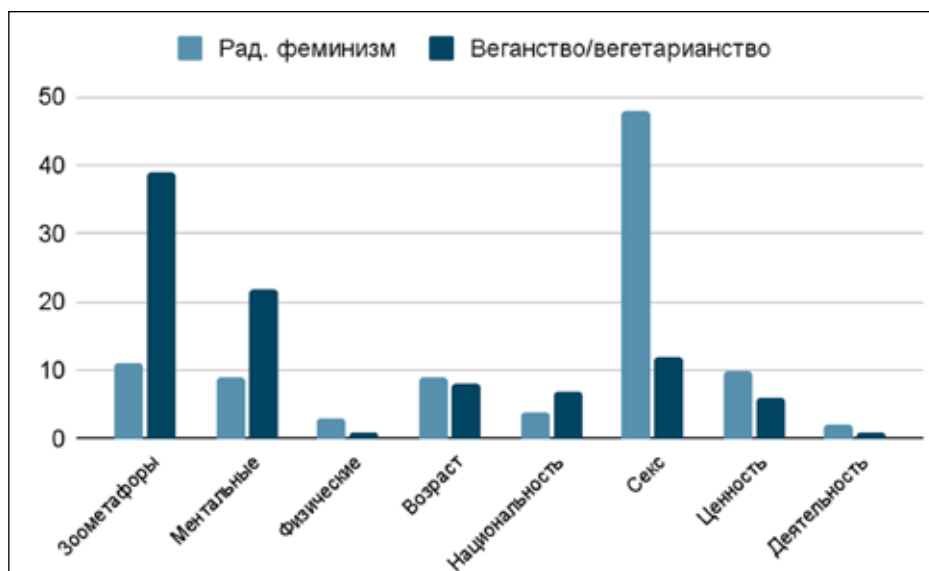
Разметка данных проходила в два этапа. На первом этапе была проведена ручная разметка массива из 10 548 высказываний для выявления случаев речевой агрессии, в результате чего метку «наличие агрессии» получили 2175 высказываний. После этого был проведен качественный анализ выбранных комментариев, в ходе которого мы выявили и сгруппировали по тематике лексику, которая используется для номинации объекта агрессии. При этом мы учитывали как вокативное употребление, так и использование (на)именований человека вне контекста прямого обращения для указания на него (далее мы будем называть такое употребление референтным). В результате были выделены следующие лексические группы:

- зоометафоры (*голубок, дятел, псина, петух, свинья* и пр.);
- ментальные характеристики (*имбецил, неадекват, маразматик, дебил, дурень, шизоид* и пр.);
- физические характеристики (*чучело, гривастый, грязнуля* и пр.);
- возраст (*батенька, дед, папаня; школота, сынок, детеныш, недоносок, высерок* и пр.);
- национальность (*чурка* и пр.);
- сексуальная сфера (*латентный, шлюшка* и пр.);
- ценность (*биомусор, позорник* и пр.);
- вид деятельности (*людоед, обличитель, философ, клоун* и пр.);
- потусторонние силы (*черт* и пр.).

На втором этапе мы обратились к собранному нами из социальной сети «ВКонтакте» расширенному датасету (958 591 комментарий) для выявления статистического распространения субстандартных номинаций людей в различных сообществах. При этом мы использовали методы автоматической обработки текстов. С помощью предобученной модели *rubert-tiny-toxicity*² мы отфильтровали комментарии, которые с большой долей

² URL: <https://huggingface.co/cointegrated/rubert-tiny-toxicity>.

вероятности содержат в себе речевую агрессию (для большей точности мы учитывали только те комментарии, в которых оценка модели превышала 0,9 при максимальном показателе 1). Кроме того, при составлении итогового датасета мы стремились фиксировать только вокативное употребление. Для этого мы выбрали те комментарии, которые содержат искомые лексемы в номинативе (во множественном или единственном числе), а также не содержат в ближайшем контексте существительных в том же падеже, что позволило нам снизить потенциальное попадание референтных перечислений в итоговую выборку. В результате предобработки было выявлено 6274 комментария, содержащих речевую агрессию и субстандартные номинации в позиции вокатива — далее мы будем использовать для его обозначения термин *основной датасет*. Статистический анализ показал распределение тематических классов субстандартной лексики по онлайн-сообществам, представленное на ил. 1.

Ил. 1. Частотное распределение субстандартных номинаций людей в основном датасете

Fig. 1. Frequency distribution of substandard human nominations in the main dataset

Прокомментируем полученное распределение в контексте некоторых ограничений нашего подхода. Появление выбросов в семантических группах «зоометафоры» (39% для сообщества веганов / вегетарианцев) и «сексуальная сфера» (48% для радфем-сообщества) являются следствием распространенности конфликтной коммуникации вокруг этих тем в целом и вряд ли могут считаться репрезентативным показателем характеристики адресата. Тем не менее перекрестная характеристика (зоометафоры в со-

обществе радфема — 11%, сексуальная сфера в сообществе веганов — 12%) демонстрирует значимость этих классов для конфликтного дискурса в целом. Таким образом, по крайней мере одна группа заслуживает более пристального анализа. Сбалансированно распространенными оказываются номинации по признакам «возраст» (8–9%) и «ментальные и физические характеристики», которые мы решили объединить в одну группу (23% — веганство/вегетарианство, 12% — радикальный феминизм). Состав этих групп мы также планируем описать, чтобы выявить основные стратегии формирования субстандартной лексики для исследуемых сообществ.

Рассмотрим подробнее использование номинаций внутри обозначенных лексических групп, обратившись к описанию частотности и сочетаемости лексических маркеров.

Зоосемантические метафоры

Характерными представителями класса зоосемантических метафор в радфем-онлайн-сообществе являются лексемы *петух*, *свинья* и *пси́на* (в основном датасете 241, 99 и 46 словоупотреблений соответственно), получившие дополнительные коннотации во внутригрупповом дискурсе. Рассмотрим подробнее особенности употребления каждой из них.

Номинация *петух* сохраняет жаргонные значения ‘опущенный’, ‘пассивный гомосексуалист’, что отражается в использовании типичных коллокаций *петух опущенный*, *самый опущенный петух*, *попущенные петухи*, *петух дырявый*³. Нетипичными для криминального жаргона становятся апелляция к низкому интеллекту адресата (в основном датасете встречается 10 употреблений сочетания *тупой петух*), а также указание в качестве регулярного признака на ненависть адресата по отношению к женщинам (два употребления сочетания *мизогинный петух*). Интересно, что мизогиния как качество может приписываться не только мужчинам, но и женщинам — основными коллокантами этого слова становятся гендерно нейтральная номинация *мразь*, *дура* и *девушка*.

Номинация *свинья* демонстрирует следующие расширения типичных негативных коннотаций:

а) внешняя непривлекательность («уродливая свинья»), которая усиливается с помощью семантического признака «грязный» («грязные свиньи», «свиньи немытые»), указанием на лишний вес («жирные как две свиньи», «жирные потные свиньи», «свиньи неотесанные, складками светят»), апелляцией к физическим недостаткам («уродливая свинья»);

б) глупость, которая становится следствием низкого уровня образования и ограниченности кругозора («тупые, недоразвитые свиньи», «свиньи тупые»);

в) лень, которая определяется асоциальным поведением («бухает как свинья», «бухие свиньи») и проявляется в отсутствии навыков решения бы-

³ Здесь и далее авторские орфография и пунктуация сохранены.

товых проблем («ленивая свинья», «бытовые инвалиды и свиньи», «криво-рукие свиньи, которые не способны сами себя обслуживать в быту»);

г) эгоизм и ненависть к женщинам («шовинистские свиньи», «эгоистическая свинья»);

д) непредсказуемое поведение («бешеная свинья»).

Контексты употребления номинации *пси́на* менее разнообразны и в основном предполагают реализацию двух дихотомий: «представитель власти — подчиненный», где адресату отводится зависимая роль («Кто с псины намордник снял»; «щелкаю псину по носу»; «а мнение псин вообще не имеет значения»), а также «владелец жилья — иждивенец», где объекту речевой агрессии отказывается в праве на проживание в квартире, а метафорически и в праве находиться в сообществе («Девушка из жалости подобрала псину»; «кастрировать уroda, а дальше выгнать из дома эту псину»). Кроме того, номинация *пси́на* совпадает с лексемой *сви́нья* в негативной характеристике внешности, где одной из частотных коллокаций становится употребление довольно известного мема — *собака сутулая* (коллокация *пси́на сутулая* встречается в основном датасете 10 раз).

В онлайн-сообществе веганов / вегетарианцев на уровне администрации установлен запрет на использование зоосемантических метафор в качестве субстандартной номинации. Номинация *сви́нья* встречается достаточно часто (70 употреблений), однако в подавляющем большинстве случаев речь идет об употреблении слова в прямом значении, причем в положительном контексте («кошка тупее любой свиньи») или контексте, подтверждающем страдания животных в современном мире («Вы увидите, как упрутся и отчаянно, со слезами, визжат свиньи, не желая идти в бокс оглушения»). Ассоциация со свиньей используется в качестве положительной характеристики и становится инструментом самопрезентации в качестве участника сообщества («то чувство когда ты веган и у тебя на аве⁴ свинья»). Мы обнаружили лишь одну коллокацию, отражающую инвективное употребление лексемы *сви́нья* — *жирная свинья* (четыре употребления), все остальные случаи («большая свинья», «всеядная свинья», «убитая свинья») не используются для номинации людей.

Наиболее близкую по семантике группу образуют номинации, которые несут в себе указание на то, что внешние пользователи употребляют в пищу мясо мертвых животных. К этой группе относятся *пада́ль* (30 употреблений), *пада́льщик* (28 употреблений), *трупоед* (24 употребления), *некрофаг*, к которым примыкает номинация *мясоед*, обычно употребляющаяся в негативном контексте («Ох, черт, мясоеды нападают!»; «Нравится быть дикарем, поедающим трупы животных, падаль всякую»; «Уж лучше свиньи, чем дети-трупоеды!»). Здесь необходимо отметить, что сообщество веганов / вегетарианцев в целом продемонстрировало гораздо меньший уровень речевой агрессии, поэтому показательнее будет сопоставить эти номинации в процентном соотношении ко всей группе инвективной лексики. Так, но-

⁴ Речь об аватарке — изображении или графическом представлении пользователя в компьютерных играх, социальных сетях и на форумах.

минация *падаль* занимает долю в 5% в датасете, составленном по радфем-сообществу, и 15% — в веганском / вегетарианском. Соотносимые распределения демонстрируют и другие номинации в описываемом ряду: *падальщик* (0,05% / 6,7%); *трупоед* (0% / 6%), *некрофаг* (0% / 0,2%). Таким образом, эти лексемы становятся явными маркерами субстандартного речевого поведения, характерного для сообщества веганов / вегетарианцев.

Апелляция к возрасту

В радфем-сообществе представлена широкая вариативность соотношений возрастов говорящего и адресата в ситуации конфликта. При позиционировании собеседника как более старшего характерным оказывается обращение *дед* (98 употреблений при всего двух в сообществе веганов / вегетарианцев). Эта номинация представляет собой верхнюю точку на возрастной шкале, что подкрепляется частотной коллокацией *старый дед* (пять употреблений), контекстуально она также соотносится с группой «ментальные характеристики» («Хах, дед, тебе уже пора на катафалке ездить, а ты всё в инструктора играешь»; «Этого деда порвало, несите следующего»). Кроме того, апелляция к превосходящему возрасту проявляется в прилагательном *старый*, которое образует устойчивые коллокации с существительными *пердун* (23 употребления), *мразь* (пять употреблений), *пидорас* (три употребления).

В ситуации указания на превосходящий возраст адресата обращают на себя внимание две особенности употребления. Во-первых, в большинстве случаев используются термины, обозначающие семейные роли мужчин, что, видимо, определяется фактором типичного образа чужого в этом сообществе (например, *дед*, *папаня*, *батенька*). Во-вторых, эти номинации не только употребляются в вокативной или референтной функции, называя конкретный объект речевой агрессии, но также могут использоваться косвенно по отношению к оппоненту — в этом случае в качестве *деда* / *батеньки* выступают гипотетические близкие родственники непосредственного участника конфликта, имеющие над ним власть и определяющие его зависимое положение в семье («Тебе что батенька головушку своим очком пережал, когда высирал тебя на свет божий?»).

В общении сверху вниз адресату навешиваются гендерно маркированные ярлыки *школьника* (34 употребления) или *сынка* (28 употреблений), что обычно сопровождается использованием директивных речевых актов, основной задачей которых является выключение собеседника из дальнейшего общения («Запхай в рыло чеснок и заткни хлебало, малолетний школьник, иди уроки учи!»). При этом к признаку «возраст» могут добавляться негативные коннотации, связанные с вхождением в криминальные субкультуры («типичный малолетний ауешник»), спецификой сексуальной жизни («как будто дрочер малолетний писал, давно такой испанский стыд не испытывала»; «стал озабоченным порнодрочером»), а также явной зависимостью от родителя — обычно главенствующая роль отводится матери («сынко, ты кем работаешь?»; «14 летний малолетний,

мамкин дровер»). В этой группе выделяется номинация *дрочер*, которая становится ярким маркером агрессии для радфем-сообщества — в нем она составляет 5% от всего словаря субстандартной лексики, в то время как в сообществе веганов / вегетарианцев занимает долю в 0,2%.

Нижней точкой на возрастной шкале становятся номинации *малыш* (14 употреблений) и *недоносок* (три употребления), которые также используются в контексте соотношения с матерью («малыш, ты маму потерял?»; «Квартиру ему купите, на безбедную жизнь насобирайте, у малыша же травма на всю жизнь!»; «ути тью, мушинка пришёл, высрал своё капец важное мнение, малыш, иди мамке помоги прибраться»; «мм, высрался, малыш-тугосеря?»).

В сообществе веганов / вегетарианцев представлен меньший набор соотношения возрастов между говорящим и объектом речевой агрессии. В основном здесь встречается обращение сверху вниз — стратегия указания на возраст представителей конфликтующей стороны становится частным случаем проявления апелляции к статусу говорящего и выполняет функцию подтверждения недостаточной эвиденциальности утверждений адресата. Наиболее частотными номинациями в этой группе становятся лексемы *сын* (пять употреблений) («Ты слит, сынок, свободен»; «сынок, заканчивай ныть, это никому не интересно»; «понимаешь, сынок, слова имеют значение») и *малыш* (три употребления) («малыш, стероиды не изменяют принципа роста мышц»; «Спасибо, Малыш, я уважаю твоё мнение, но останусь при своём»). Используя эту лексику, говорящий занимает позицию эксперта в столкновениях, ядром которых обычно является обсуждение различных подходов к формированию рациона питания пользователей.

Еще одной стратегией, распространенной в сообществе веганов / вегетарианцев, становится указание на равный статус участников конфликта и даже включение их в круг «своих». Для этого используется жаргонное обращение *чувак* в нехарактерном для него контексте — за ним следует резко негативная характеристика адресата: «чувак, ты обоссался на столько, что тебе кажется, что те, к кому ты пришёл, насрели вокруг тебя»; «Блин, чувак, да ты просто грёбанный Гудини — настрочить столько текста в смирильной рубашке!»; «чувак, мастурбация не грех, не стесняйся, все всё понимают». Употребление лексемы *чувак* в негативных контекстах в сообществе веганов / вегетарианцев незначительно, но превышает этот показатель в радфем-группе (2,6% против 1,7%). Подобные конфликтные практики демонстрируют открытый характер сообщества веганов / вегетарианцев, которое ориентировано на расширение состава участников и распространение ценностей сообщества среди внешних пользователей.

Ментальные и физические характеристики

Негативные ментальные и физические характеристики представлены в обоих рассматриваемых сообществах, однако соотношение двух классов, объединённых нами в один, значительно различается. Если рассматривать данные в абсолютных значениях, то наиболее частотная номинация

дебил чаще встречается в радфем-сообществе (262 употребления и 66 употреблений в сообществе веганов / вегетарианцев). Однако учитывая уже упомянутую выше несбалансированность данных, вызванную тем, что участники сообщества веганов / вегетарианцев реже проявляют речевую агрессию, точнее было бы ориентироваться на относительные данные. И в этом случае доля ментальных характеристик в составе субстандартной лексики почти всегда оказывается более значительной в группе веганов / вегетарианцев: *дебил* (15% и 3% в радфем сообществе), *дура* (3% и 4%), *дурачок* (1,5% и 0,4%), *шизоид* (0,4% и 0,1%). При этом показательны наиболее устойчивые коллокации со словом *шизоид* — если в радфем-сообществе в сочетаниях встречается критика консервативных взглядов на гендерное распределение ролей (*патриархальный шизоид*), то в сообществе веганов / вегетарианцев негативную характеристику получает политическая позиция адресата (*ватный шизоид*).

Апелляция к физическим характеристикам адресата чаще встречается в радфем-сообществе (3% и 1% в сообществе веганов / вегетарианцев). Обычно они употребляются в контекстах, которые усиливают негативную характеристику за счет дополнительного указания на физические недостатки, в основном связанные с лишним весом или неприятным запахом. К этой группе относятся следующие частотные номинации:

- *чмошник* / *чмо* (относительная частотность 7% при всего 0,7% в сообществе веганов / вегетарианцев) («это чмо в комментариях высралось»; «жирное чмо уже на стул не помещается бока опплыли»);
- *биомусор* (1,7%, в сообществе веганов / вегетарианцев не встречается) («нифига тут биомусора»; «бракованные существа, просто биомусор»; «тут обычный биомусор, квакает»)

Отдельным аспектом внешности становится характеристика запаха объекта речевой агрессии. В качестве номинации используются следующие коллокации: *вонючее чмо* (четыре употребления), *вонючий дрочер* (три употребления), *вонючая мразь* (три употребления).

Стоит также отметить, что наиболее частотной субстандартной номинацией другого в радфем сообществе стала лексема *мразь*, которая встречается в каждом пятом агрессивном комментарии (22% при 7% в сообществе веганов / вегетарианцев). Таким образом, для радфем-сообщества основной стратегией речевой агрессии можно считать выражение отвращения к оппоненту, которое вызвано его существованием в общем (наиболее частотна коллокация *конченная мразь*, которая встречается 24 раза), лицемерием (*лицемерная мразь* — 18 раз), глупостью (*тупая мразь* — 15 раз) и гендером (*х[.]ястая мразь* — 12 раз). Для сообщества веганов наиболее распространенными оказались номинация ментальной группы — *дебил* (66 раз) и критика диеты — *падаль* / *падальщик* (58 раз).

Заключение

В нашем исследовании мы исходили из того, что ценностные установки сообществ определяют уникальные механизмы формирования

субстандартных номинаций в каждой группе. На макроуровне это проявляется в интенсивности и регулярности воспроизведения конфликтного дискурса. Наш материал показал, что представители веганского / вегетарианского сообщества в принципе реже используют инвективную лексику для номинации людей, добавляют маркеры межгрупповой солидарности в ситуации конфликта, а также стремятся к тому, чтобы разделить свои ценности с внешними участниками. Это позволяет предположить, что одним из ключевых параметров описания онлайн-сообществ может стать не только его однородность / дисперсность, но и проницаемость / непроницаемость границ сообщества.

Радфем-сообщество в таком случае можно отнести к группе другого типа: его участники формируют более плотные связи, а границы очерчены явно представленным образом чужого, который характеризуется определенным набором гендерных, ментальных, физических и возрастных параметров.

На микроуровне в дискурсе исследуемых онлайн-сообществ выявляются особенности употребления отдельных пластов субстандартной лексики. Мы выяснили, что в качестве основных источников создания субстандартных номинаций в сообществе веганов / вегетарианцев выступает лексика, которая осуждает рацион питания, включающий мясную пищу, а также апеллирует к негативной ментальной характеристике, возрасту (сверху вниз) и низкому уровню образования оппонента. Таким образом, основная стратегия участников этого сообщества в ситуации конфликта заключается в том, чтобы переубедить противоположную сторону (в том числе и тех пользователей, которые не вступают в столкновение, а только наблюдают за ним), а субстандартная лексика зачастую становится инструментом оспаривания позиции оппонентов, а не понижения их социальной значимости (хотя провести грань здесь достаточно сложно).

Иные механизмы формирования субстандартной лексики мы наблюдаем в дискурсе радфем-сообщества. Конфликтная коммуникация сопровождается выражением прямого отвращения к адресату, негативной оценкой его ментальных и физических характеристик, которые носят гендерно ориентированный характер, а также использованием стратегий расчеловечивания через зоометафоры. Нужно отметить, что несмотря на явную гендерную асимметрию, которая является одним из основных источников формирования субстандартной лексики, объектом атаки здесь могут оказаться и женщины, если они не разделяют ценности группы.

Необходимо упомянуть и об ограничении, с которым мы столкнулись в ходе исследования. В основном оно связано с невозможностью последовательного автоматического разделения ситуаций потенциального использования лексем в референтном и вокативном употреблении, особенно если группа лексики совпадает с тематикой сообщества и активно в нем используется. Дальнейшее развитие исследования предполагает преодоление обнаруженной проблемы предобработки материала. Одним из возможных решений является описание особенностей употребления суб-

стандарта теми пользователями, которые частотно вступают в коммуникацию, а следовательно, участвуют непосредственно в формировании и трансляции ценностей сообщества.

Литература

- Блумфилд 1968 — *Блумфилд Л.* Язык / Пер с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат, М.: Прогресс, 1968.
- Дмитриенко 2007 — *Дмитриенко Г. В.* Вербальная инвектива в англоязычном лексическом субстандарте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Пятигорский гос. лингв. ун-т. Пятигорск, 2007.
- Хомяков 1980 — *Хомяков В. А.* Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Л., 1980.
- Шульгинов, Алянский 2023 — *Шульгинов В. А., Алянский К. А.* Невежливые коммуникативные практики как инструмент создания сообществ в комментариях к спортивным новостям // СибСкрипт. Т. 25. № 4. 2023. С. 481–490. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-481-490>.
- Buder et al. 2021 — *Buder J., Rabl L., Feiks M., Badermann M., Zurstiege, G.* Does negatively toned language use on social media lead to attitude polarization? // *Computers in Human Behavior*. Vol. 116. 2021. Article 106663. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106663>.
- Culpeper et al. 2003 — *Culpeper J., Bousfield D., Wichmann A.* Impoliteness revisited: with special reference to dynamic and prosodic aspects // *Journal of Pragmatics*. Vol. 35. No. 10–11. 2003. P. 1545–1579. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(02\)00118-2](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(02)00118-2).
- Mills 2005 — *Mills S.* Gender and impoliteness // *Journal of Politeness Research*. Vol. 1. No. 2. 2005. P. 263–280. <https://doi.org/10.1515/jplr.2005.1.2.263>.
- Rheingold 1993 — *Rheingold H.* The virtual community: Homesteading on the electronic frontier. Reading, MA: Addison-Wesley Publ. Co.
- Watts 2005 — *Watts R. J.* Linguistic politeness research: Quo vadis? // *Politeness in language: Studies in history, theory and practice* / Ed. by R. Watts, S. Ide, K. Ehlich. 2nd ed. P. 11–47. New York: Mouton de Gruyter, 2005.
- Zollo et al. 2015 — *Zollo F., Novak P. K., Del Vicario M., Bessi A., Mozeitič I., Scala A., Caldarelli G., Quattrocioni W.* Emotional dynamics in the age of misinformation. *PLOS One*. Vol. 11. No. 9. 2015. e0138740. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0138740>.

References

- Bloomfield, L. (1964). *Language*. Rinehart & Winston.
- Buder, J., Rabl, L., Feiks, M., Badermann, M., & Zurstiege, G. (2021). Does negatively toned language use on social media lead to attitude polarization? *Computers in Human Behavior*, 116, 106663. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106663>.
- Culpeper, J., Bousfield, D., & Wichmann, A. (2003). Impoliteness revisited: with special reference to dynamic and prosodic aspects. *Journal of Pragmatics*, 35(10–11), 1545–1579. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(02\)00118-2](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(02)00118-2).
- Dmitrienko, G. V. (2007). *Verbal'nai a invektiva v angloiazychnom leksicheskom substandarte* [Verbal invective in the English lexical substandard]. (Abstract of Dr. Sci. (Philology) Thesis, Pyatigorsk State Linguistic University). (In Russian).
- Khomiakov, V. A (1980). *Nestandardnaia leksika v strukture angliiskogo iazyka natsional'nogo perioda* [Non-standard vocabulary in the structure of the English language of the na-

- tional period] (Abstract of Dr. Sci. (Philology) Thesis, A. A. Zhdanov Leningrad State University). (In Russian).
- Mills, S. (2005). Gender and impoliteness. *Journal of Politeness Research*, 1(2), 263–280. <https://doi.org/10.1515/jplr.2005.1.2.263>.
- Rheingold, H. (1993). *The virtual community: Homesteading on the electronic frontier*. Addison-Wesley Publ. Co.
- Shulginov, V. A., & Alyansky, K. A. (2023). Nevezhlivye kommunikativnye praktiki kak instrument sozdaniia soobshchestv v kommentariiakh k sportivnym novostiam [Impolite communication practices as a community-building tool in sports news comments]. *SibScript*, 25(4), 481–490. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-481-490>. (In Russian).
- Watts, R. J. (2005). Linguistic politeness research: Quo vadis? In R. Watts, S. Ide, & K. Ehlich (Eds.). *Politeness in language: Studies in history, theory and practice* (2nd ed., pp. 11–47). Mouton de Gruyter.
- Zollo, F., Novak, P. K., Del Vicario, M., Bessi, A., Mozetič, I., Scala, A., Caldarelli, G., & Quattrociocchi, W. (2015). Emotional dynamics in the age of misinformation. *PLOS ONE*, 10(9), e0138740. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0138740>.

Информация об авторах

Information about the authors

Валерий Александрович Шульгинов

кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник,
Лаборатория лингвистической
конфликтологии и современных
коммуникативных практик,
факультет гуманитарных наук,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»
Россия, 109028, Москва, Покровский
бульвар, д. 11
✉ vshulginov@hse.ru

Сергей Андреевич Кудряшов

стажер-исследователь,
Лаборатория лингвистической
конфликтологии и современных
коммуникативных практик,
факультет гуманитарных наук,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»
Россия, 109028, Москва, Покровский
бульвар, д. 11
✉ sakudryashov@hse.ru

Valery Aleksandrovich Shulginov

Cand. Sci. (Philology)
Leading Researcher, Laboratory
of Linguistic Conflict Resolution Studies
and Contemporary Communicative
Practices, Faculty of Humanities, HSE
University
Russia, 109028, Moscow, Pokrovsky
Boulevard, 11
✉ vshulginov@hse.ru

Sergej Andreevich Kudryashov

Research Assistant,
Laboratory of Linguistic Conflict
Resolution Studies and Contemporary
Communicative Practices, Faculty
of Humanities, HSE University
Russia, 109028, Moscow, Pokrovsky
Boulevard, 11
✉ sakudryashov@hse.ru